

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.776.22:614.4
ББК 60.524.224.1
Д 83

В.И. Дупленко,

*Министерство спорта Калининградской области, г. Калининград, Россия,
e-mail: v.duplenko@gov39.ru*

А.Р. Каспаров,

*Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Россия, e-mail:
mr.kasparov.01@mail.ru*

ФЕНОМЕН «ФЕЙКОВ О КОРОНАВИРУСЕ» В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РФ

(Рецензирована)

Аннотация. В статье отмечается, что в XXI в. по мере развития информационно-компьютерных технологий сформировался ряд системных противоречий, связанных с макросредой глобальной миросистемы, представляющих угрозу информационной безопасности России. Состояние информационной защищенности российского социума предполагает баланс политических, экономических, социальных и духовной сфер российского общества, что далеко не всегда реально осуществимо на практике. Особую обеспокоенность вызывает виртуальная среда, воплощением которой является Интернет. Снижение качества информации, прежде всего в глобальной сети, периодически приводит к негативным социальным последствиям. В частности, в последние десятилетия произошло ухудшение качества информации, в то время как научно-технологическая составляющая в социальной коммуникации существенно возросла. Данное противоречие нашло свое отражение в феномене информационной перегрузки, когда интенсификация массово-коммуникативного воздействия на аудиторию приводит к эффектам, прямо противоположным тем, что ожидает коммуникатор. Следствием ухудшения качества информации стал «ренессанс» слухов – одной из наиболее древних форм коммуникации человечества, которая в XXI в. вновь стала занимать ключевое положение в структуре средств приема и передачи сообщения.

В 2020 г. в условиях пандемии коронавируса (COVID-19), на фоне обозначенных противоречий в системе массовой коммуникации, существенной проблемой стало распространение недостоверной информации, что может привести к панике, массовым фобиям, росту социальной напряженности и т.д. Именно поэтому отечественным законодателем были разработаны нормативно-правые акты, направленные на противодействие недостоверной информации о коронавирусе. Однако для оптимизации функционирования системы управления важное значение имеет верификация разработанных моделей на практике, так как, наряду с позитивными, могут наблюдаться и выраженные негативные эффекты, связанные со снижением информационной свободы, что соответствует классической формуле актуализации слухов как ответной реакции общества на запретительные действия государственных управленческих структур в системе массовой коммуникации.

Ключевые слова: постиндустриальное общество, информация, информационная безопасность, пандемия, Интернет, массовая коммуникация.

V.I. Duplenko,

Ministry of Sports of Kaliningrad Region, Kaliningrad, Russia, e-mail: v.duplenko@gov39.ru

A.R. Kasparov,

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia, e-mail: mr.kasparov.01@mail.ru

THE PHENOMENON OF “FAKES ABOUT CORONAVIRUS” IN THE CONTEXT OF INFORMATION SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. In the 21st century, with the development of information and computer technologies, a number of systemic contradictions related to the macro environment of the global world system have formed, which pose a threat to Russia’s information security. The state of information security of the Russian society assumes a balance of several facts related to the political, economic, social and spiritual spheres of Russian society, which is not always feasible in practice. Of particular concern is the virtual environment that the Internet embodies. A decrease in the quality of information, primarily in the global network, periodically leads to negative social consequences. In particular, the quality of information has deteriorated in recent decades, while the scientific and technological component in social communication has increased significantly. This contradiction is reflected in the phenomenon of information overload, when the intensification of mass-communicative impact on the audience leads to effects that are directly opposite to what the Communicator expects. The result of the deterioration in the quality of information was the “Renaissance” of rumors – one of the most ancient forms of communication of mankind, which in the 21st century once again, has taken a key position in the structure of the means of receiving and transmitting messages.

In 2020, in the context of the coronavirus pandemic (COVID-19), against the background of the indicated contradictions in the mass communication system, a significant problem was the dissemination of false information, which can lead to panic, mass phobias, increased social tension, etc., that is why the domestic legislator developed legal acts aimed at countering false information about the coronavirus. However, to optimize the functioning of the management system, it is important to verify the developed models in practice, since along with positive ones, there may also be pronounced negative effects associated with a decrease in information freedom, which corresponds to the classical formula for updating rumors as a response of society to the prohibitive actions of state management structures in the mass communication system.

Keywords: post-industrial society, information, information security, pandemic, Internet, mass communication.

Постиндустриальное общество XXI в. характеризуется существенным увеличением значимости информации, информационных технологий. Неслучайно в научной литературе этот век именуют информационным. Масштабные трансформации социума, вызванные генезисом новых форм социальной организации, закономерно приводят

к определенным перенапряжениям институциональной системы, так как стабильная реальность начинает замещаться высоко динамичной.

В этих условиях социальный институт государства оказывается подвержен определенным рискам. М.А. Ефремова указывает, что «в связи со становлением информационного общества перед государством

появляются новые задачи. Одна из таких задач – обеспечение информационной безопасности» [1].

В последние годы происходит насыщение социальной системы информационными потоками. Ранее подобных явлений в истории человечества не было – как следствие, практически отсутствует научный эмпирический и социально-управленческий опыт реагирования. «Взрывной» рост социальной значимости информационных технологий заключается в том, что, как полагают исследователи, «социальные сети, мессенджеры, интернет-магазины, онлайн-банкинг – все эти средства связи и коммуникации потенциально уязвимы» [2].

Комплекс действия факторов макро- и микросреды общественной жизни создал объективные условия, когда, как полагает И.П. Михнев, «во всем мире резко повысилось внимание к проблеме информационной безопасности» [3].

Рассматривая содержательную суть понятия «информационная безопасность», А.А. Жуйков отмечает: «это стабильное, равновесное существование информационно-коммуникационной подсистемы общества, выражающееся в отсутствии дезорганизационно-дисфункциональных индикаторов (маркеров) в ее функционировании» [4].

Исследователи обращают внимание на «дуалистическую сущность информационной безопасности. С одной стороны, она является частью национальной безопасности. С другой стороны, информационную безопасность следует рассматривать как объект уголовно-правовой охраны, обеспечивающий реализацию интересов личности, общества и государства в информационной сфере» [5].

Таким образом, информационная безопасность предполагает достижение социальной системой состояния информационной защищенности – как на макро-, так и на микроуровне. Прежде всего, это подразумевает эффективное

противодействие распространению вредной информации. Е.И. Лукина полагает, что «вредная информация – это та информация, распространение которой наносит вред интересам общества, законным интересам и правам граждан» [6]. Однако под это определение попадает широкий круг информационных ресурсов и коммуникативных практик, особенно в глобальной компьютерной сети Интернет. Факт осознания негативных социальных последствий, возникающих по причине бесконтрольного распространения вредной информации, вместе с тем, не означает априорной необходимости исключительно репрессивных мер по отношению к большинству интернет-пользователей. Более выигрышной стратегией для института государства была бы организация «информационно-просветительской работы по вопросам безопасного поведения в интернет-пространстве, повышения интернет-грамотности» [7].

В аспекте обеспечения информационной безопасности особое место занимает проблема распространения слухов – недостоверных сообщений, принимающих разнообразные коммуникативные формы. При этом слухи, древнейшая форма социальной коммуникации, несмотря на технологический прогресс, появление Интернета и телекоммуникационных технологий, не утратили своего влияния в социуме, более того, они стали «виртуальными».

Исследователи в этой связи отмечают, что «высокая скорость передачи сообщений в сети, принципиальная анонимность интернет-коммуникации оказались благодатной средой для функционирования слухов. По сравнению с традиционными формами слухов, интернет-слухи передаются с высокой скоростью и охватывают за короткий срок огромную аудиторию, влияя на сознание и поведение людей» [8]. Таким образом, научно-технологический прогресс не только не

искоренил эту древнейшую форму социальной коммуникации, но и, напротив, привел к ее своеобразной «реинкарнации». Это один из парадоксов современной коммуникационной системы, эффективное решение которого может способствовать оптимизации функционирования института государства. В настоящее время, однако, реалии таковы, что «слухи отнюдь не утратили своего значения и, в отличие от традиционных СМИ, не снижают своего влияния с появлением Интернета. Слухи адаптируются к новым условиям и интегрируются в глобальную сеть, приобретая новые, ранее не известные науке свойства. Так, значительно увеличивается скорость их распространения и охват аудитории. В результате в российском сегменте Интернета царит практически полная вседозволенность провокаторов, агрессивных коммуникаторов, экстремистов, редкие случаи уголовного преследования за информационные атаки в Интернете кардинально не изменяют ситуацию в лучшую сторону» [8]. Описанная системная проблема, не находящая в течение длительного времени своего решения, создала предпосылки для ухудшения качества информации в медиапространстве российского социума. Становится очевидным, что в настоящее время в коммуникационной системе российского общества сложилась сложная ситуация, а качество информации и актуальные риски не позволяют рассуждать об информационной защищенности – как государства в целом, так и массовой аудитории, а также индивидуальных потребителей информации – в физической или виртуальной реальности.

В 2020 г. глобальный миропорядок столкнулся с пандемией коронавируса. В короткий срок экономическая и культурная подсистемы глобального социума оказались под угрозой дезорганизации. При этом едва ли не самую большую проблему представляли панические,

тревожные сообщения в сети Интернет, способствующие фобиям, аффективным состояниям людей. Этот эффект объясняется экзистенциальными угрозами, потенциально связанными с пандемией, вследствие чего значительная часть аудитории опасается за свою жизнь и здоровье, а также своих близких. В таких условиях потребность в информации о коронавирусе существенно возрастает, и в случае если СМИ, официальные власти и лидеры мнения (например, известные блогеры, журналисты, политики) не могут развеять страхи людей, они с неизбежностью будут порождать различные недостоверные сообщения о пандемии – слухи. Российский законодатель в этой связи ввел термин «фейки», фактически подразумевая под этим виртуальные слухи – инновацию социума XXI в.

В России был принят Федеральный закон от 01.04.2020 г. № 99-ФЗ, который внес изменения в КоАП РФ (части 10.1 и 10.2.: «распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях заведомо недостоверной общественно значимой информации...») [9], непосредственно связанные с рисками паники, фобий, слухов о пандемии коронавируса.

Одновременно российские правоохранительные органы уже в начале пандемии осуществляли санкции и по ранее существовавшим положениям КоАП РФ. Так, в 2020 г. одну из первых в России «суд оштрафовал жительницу Липецка за то, что она в мессенджере WhatsApp распространяла ложную информацию о коронавирусной инфекции (по ч. 9 ст. 13.15 Кодекса административных правонарушений РФ «Злоупотребление свободой массовой информации»)» [10].

В этой связи становится очевидным, что институт государства с момента начала пандемии предпринял активные попытки пресечения распространения недостоверных

сообщений, прежде всего в глобальной сети Интернет, где особенно активно идет обсуждение рисков и угроз, связанных с коронавирусом. Вместе с тем возможности государства по принуждению граждан к правомерному поведению, прежде всего в сфере массовых коммуникаций, не решают полностью проблемы распространения недостоверных сообщений о коронавирусе. Для достижения поставленной цели государству необходимо проводить более активную разъяснительную, образовательную работу в отношении граждан, интересующихся пандемией коронавируса, развеивать слухи, домыслы, в каких формах они ни существовали бы – в этой связи исключительно репрессивно-запретительные меры будут не столь эффективны.

Для верификации полученной информации о проблеме распространения фейков о коронавирусе в различных формах, в том числе и в «облике» традиционных и виртуальных слухов, нами было проведено эмпирическое социологическое исследование. Учитывая специфику информации, представляющей интерес для социологов, было решено использовать возможности качественного, а не количественного исследования. Именно качественный анализ позволяет проникнуть вглубь изучаемой реальности, установить мотивы коммуникативной активности людей, определить специфику их личностной системы координат и т.п.

Для реализации качественной стратегии было проведено 16 глубинных интервью с блогерами, активными участниками форумов, держателями профилей в социальных сетях, а также иными респондентами, отличающимися высокой коммуникативной активностью – не только в виртуальной, но и физической реальности (для этого использовалась специальная анкета-фильтр). Сроки проведения исследования – сентябрь-октябрь 2020 г. География

проекта: Краснодарский край, Республика Адыгея.

По итогам качественного исследования была получена информация о том, что подавляющее большинство респондентов, осознавая актуальность проблемы коронавируса, стремились дать ей собственную, порой глубоко личностную интерпретацию. Объясняется это тем, что тема коронавируса «цепляет, не дает спокойно спать, заставляет все время возвращаться к этому» (муж., 43 года). Как правило, участники исследования обращали внимание на то, что у них возникает устойчивая потребность в распространении подобной «животрепещущей информации», *которая «буквально всех интересует, так как касается жизни и смерти людей»* (жен., 31 год).

Отвечая на вопрос о том, верят ли они официальной информации о пандемии, респонденты в большинстве своем продемонстрировали скептицизм. *«Не верю, хоть убейте, вообще администрации доверия нет»* (жен., 23 года), *«Конечно, нет, а как верить, если мы, к примеру, заболели, но в статистику не вошли»* (муж., 49 лет), *«Слишком часто государство обманывало, почему я должна ему верить?»* (муж., 51 год). Лишь незначительная часть участников исследования, напротив, склонны доверять официальной информации. *«Конечно, верю, зачем государству врать? Это не выгодно, я считаю, мне кажется, здесь выгода была бы, если бы говорили, что у нас все хорошо, и не закрывали людей, зачем рушить экономику?»* (жен., 33 года).

Отвечая на вопрос об особенностях своей стратегии поведения в интернет-общении, участники исследования существенно разделились. Большая часть респондентов склонны к активному убеждению своих виртуальных собеседников, влиянию на их сознание. В этом проявляются их коммуникативно-психологические особенности. *«Вообще*

стараюсь проходить мимо, но если встречаю какую-то откровенную ересь, тогда вступаю в диалог и привожу свои аргументы» (муж., 43 года), *«Конечно, переубеждаю, у меня все болеют вокруг! А тут какие-то недалекие люди пытаются писать какую-то дичь!»* (жен., 24 года), *«Ну кто-то же должен открывать людям глаза, у меня достаточно смелости на это»* (жен., 33 года).

В то же время часть респондентов, по их признанию, не стремятся к коммуникативной инициативе в виртуальном общении. *«Нет, а зачем перед свиньями бисер метать?!»* (муж., 37 лет), *«Вокруг много неадекватов, их убеждать – себе дороже, только нервы портить»* (муж., 51 год).

При ответе на вопрос о том, опасаются ли респонденты преследования со стороны государства, правоохранительных органов за свою коммуникативную активность при освещении пандемии коронавируса, были получены такие данные. Почти все опрошенные испытывают определенные опасения за свои публикации в Интернете. Как правило, это происходит потому, что респонденты не очень хорошо разбираются в специфических нормативно-правовых актах, не могут точно понять, нарушают они законы или нет.

«Ну, скажем так, пишу комментарии с оглядкой на закон» (муж., 43 года), *«Не боюсь, надоело, будем бояться – ничего не изменится»* (жен., 23 года), *«Старюсь лишний раз не писать, но если уж вижу ересь – пишу»* (муж., 51 год), *«Ничего не пишу, чтобы и прикопаться было нельзя»* (жен., 31 год).

При ответе на вопрос, слышали ли о законе, предусматривающем ответственность за так называемые фейки о коронавирусе и какой информацией обладают о данном нормативно-правовом акте, оказалось, что респонденты в большинстве своем не слишком осведомлены и имеют лишь отрывочные сведения. В

данном случае подтвердились данные о том, что участники исследования не слишком хорошо знают законы и периодически демонстрируют правовой нигилизм.

«Слышала, но постфактум, то есть в новости, что кого-то оштрафовали» (жен., 24 года), *«Да, читал в одном из городских пабликов, что такое есть, но конкретно не знаю»* (муж., 43 года), *«Нет, вообще не слышал»* (муж., 37 лет).

Отвечая на вопрос о том, опасаются ли участники исследования быть обвиненными в распространении фейков о коронавирусе, они в основном выражали уверенность, что обладают определенными специфическими навыками для создания анонимности в глобальной сети. *«Абсолютно не боюсь, выхожу в Интернет с VPN, пусть еще докажут, что это был я»* (муж., 43 года). В то же время часть респондентов стремятся быть более сдержанными в комментариях. *«После того как прочитала новость о том, что кого-то оштрафовали, стараюсь лишнего не писать»* (жен., 31 год), *«Мне кажется, этот закон – просто очередное запугивание людей, не боюсь, потому что если и пишу что-то, то это правда»* (муж., 51 год).

При ответе на вопрос о том, как респонденты относятся к слухам и чем слух отличается от фейка, были получены такие ответы. В большинстве своем участники исследования не смогли четко различить слухи и фейки. *«Фейк в моем понимании – это сплошная выдумка, слух – вероятно, тоже. В общем, не знаю»* (жен., 33 года). Вместе с тем некоторые участники высказали предположение о том, что *«слух может быть правдой, фейк – 100% неправда»* (жен., 23 года).

При ответе на вопрос о том, как будет изменяться ситуация с освещением проблемы коронавируса и на какие шаги может пойти государство для борьбы с фейками, были высказаны мнения о том, что государство должно *«остановить*

массовую истерию, пригласить ученых, чтобы они на пальцах объяснили простым языком все людям» (муж., 37 лет).

Многие респонденты указывали на то, что *«люди все равно не будут верить, чтобы власть ни говорила, потому что доверие уже подорвано»* (жен., 23 года). В этой связи деятельность государства по запрещению свободного обмена мнениями о коронавирусе воспринимается опрошенными как элемент общей стратегии ограничения информационных прав и свобод.

По итогам исследования целесообразно обратить внимание на то, что большинство респондентов отличаются, с одной стороны, серьезными потребностями в распространении различной информации, в том числе и о коронавирусе; с другой стороны, многие из них характеризуются своеобразным отношением к законам (правовой нигилизм, в ряде случаев и криминализация сознания). Подобное «ядро» информационно-коммуникационных процессов в Интернете весьма сложно поддается контролю и управлению со стороны государства, а запретительные меры в их отношении не всегда эффективны, кроме того, оказывают негативное воздействие на имиджевое представление о государстве в XXI в. Безусловно, здесь сказывается российский менталитет, аксиологические, морально-нравственные особенности россиян. Сложившееся противоречие, в котором, с одной стороны, фигурируют потребности интернет-коммуникаторов в распространении любой информации о коронавирусе, а с другой – имеет место нежелание государства допустить

бесконтрольное распространение слухов, сеющих панику, не имеет на сегодняшний день однозначного решения – это показало эмпирическое исследование. Именно поэтому проблема информационной безопасности РФ по-прежнему будет оставаться актуальной.

Таким образом, стоит отметить, что в 2020 г. в связи с распространением пандемии коронавируса возникли существенные угрозы информационной безопасности России. Пандемия в системе социокультурных координат, потребностей и интересов жителей России на протяжении 2020 г. занимает важное место. Возникающие у населения опасения за жизнь и здоровье вследствие распространения коронавируса закономерно привели к активному хождению слухов, домыслов, фейков и пр. некачественной вредоносной информации (прежде всего по своим социальным последствиям). Социальный институт государства принял активные попытки противодействия паническим настроениям, фобиям относительно коронавируса, однако, наряду с принудительными мерами, необходимо в большей мере развивать информирование, обучение граждан касательно угроз пандемии. Концентрация в большей мере на принуждении граждан создает риски дополнительных социальных напряжений в российском обществе. Для преодоления данной негативной тенденции необходимо в большей мере развивать взаимодействие эмпирической социологии и системы государственного управления с целью объективной оценки качества, эффективности, валидности принимаемых решений.

Примечания:

1. Ефремова М.А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 3.
2. Грошева Е.К., Невмержицкий П.И. Информационная безопасность: современные реалии // Бизнес-образование в экономике знаний. 2017. № 3. С. 35-38.
3. Михнев И.П. Информационная безопасность на просторах мобильного Интернета // Образовательные ресурсы и технологии. 2015. № 4. С. 66-70.

4. Жуйков А.А. Информационная безопасность в условиях генезиса виртуального пространства трансформирующегося российского общества: дис. ... канд. социол. наук. Краснодар, 2016.

5. Ефремова М.А. Указ. соч. С. 11-12.

6. Лукина Е.И. Вредоносная информация: сущность и содержание понятия // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 4. С. 256-259.

7. Власенко М.С. Обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних в сети Интернет: современное состояние и совершенствование правового регулирования // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2019. № 3. С. 98-105.

8. Куликов Е.М. Слухи в российском сегменте Интернета: социальные и социально-инженерные аспекты // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 3. С. 69-71.

9. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 01.04.2020 г. № 99-ФЗ. URL://<http://www.kremlin.ru/acts/bank/45406> (дата обращения: 01.12.2020).

10. Россиянку оштрафовали за распространение фейков о коронавирусе // Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2020/03/25/n_14207359.shtml (дата обращения: 01.12.2020).

References:

1. Efremova M.A. Criminal law protection of information security: Diss. for the Dr. of Jurisprudence degree. M., 2017. P. 3.

2. Grosheva E.K., Nevmerzhitsky P.I. Information security: modern realities // Business education in the knowledge economy. 2017. No. 3. P. 35-38.

3. Mikhnev I.P. Information security in the vastness of the mobile Internet // Educational resources and technologies. 2015. No. 4. P. 66-70.

4. Zhuykov A.A. Information security in the context of genesis of the virtual space of the transforming Russian society: Diss. for the Cand. of Sociology degree. Krasnodar, 2016.

5. Efremova M.A. The mentioned work. P. 11-12.

6. Lukina E.I. Malicious information: essence and content of the concept // Gaps in Russian legislation. 2016. No. 4. P. 256-259.

7. Vlasenko M.S. Information security of minors on the Internet: the current state and improvement of legal regulation // Bulletin of Volzhsky University of V.N. Tatishchev. 2019. No. 3. P. 98-105.

8. Kulikov E.M. Rumors in the Russian segment of the Internet: social and socio-engineering aspects // Historical and socio-educational thought. 2011. No. 3. P. 69-71.

9. On amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation: Federal Law dated 01.04.2020 No. 99-FZ. URL: // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45406> (date of access: 01.12.2020).

10. The Russian woman was fined for spreading fakes about coronavirus // Gazeta.ru. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2020/03/25/n_14207359.shtml (date of access: 01.12.2020).